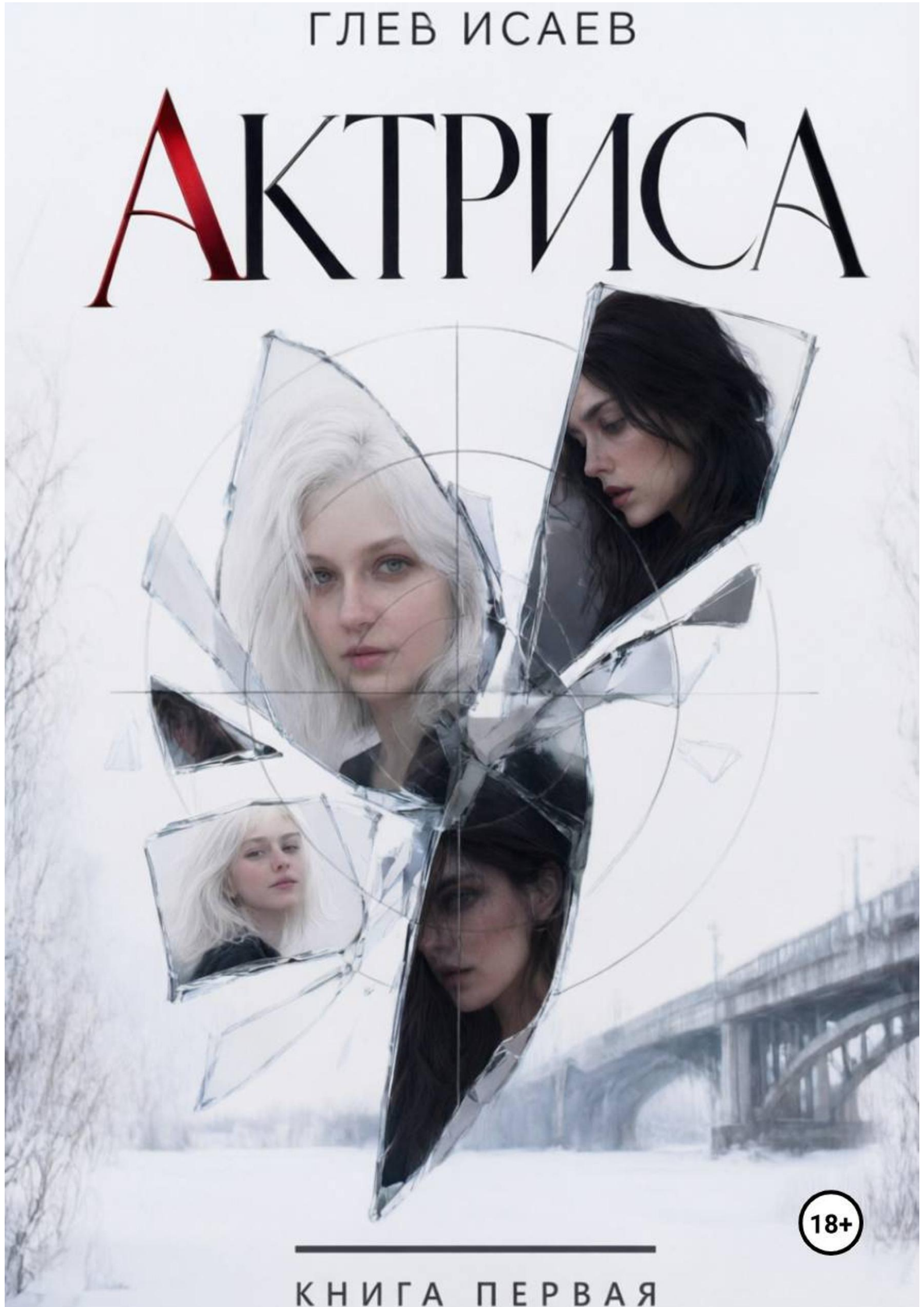
ГЛЕВ ИСАЕВ

АКТРИСА



18+

КНИГА ПЕРВАЯ

Глеб Исаев

Актриса

«Автор»
2026

Исаев Г.

Актриса / Г. Исаев — «Автор», 2026

Изуродованное лицо. Потерянная память. Предательство. Оля стояла на краю моста, готовая шагнуть в ледяную воду, чтобы навсегда забыть свой кошмар.Но её спас странный старик. Он не стал жалеть. Он предложил выбор: умереть слабой жертвой или стать смертоносным оружием.Теперь у неё новое лицо, боевые навыки и одна цель — месть. Оля идёт в самое логово врагов: коррумпированных чиновников и безжалостных олигархов. Они думали, что она — беззащитная пешка, которую можно запугать или убить.Они глубоко ошибались. Актриса выходит на сцену. И в её спектакле не будет милосердия.

© Исаев Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 19
Глава 4 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Глеб Исаев
Актриса

Глава 1

Оля взглянула на темное, без малейших проблесков звезд небо, зябко поежилась. Выдохнула, собираясь с духом, и решительно свернула с освещенного проспекта в глубину сонного квартала. Маленький парк, такой милый и уютный днем, сейчас показался ей дремучим лесом. Ветви кленов, раскинувшие свои крючковатые пальцы, будили неясное чувство тревоги. Оля плотнее запахнула ворот роскошной норковой шубки, съевшей зарплату начинающей актрисы на два месяца вперед, и осторожно ступила на бугристый от ледяной корки асфальт. Высокие каблуки отчаянно заскользили на застывшем снегу, норовя обломиться.

"Зря, конечно, я так вырядилась", - забыв на миг о своих страхах, с сожалением подумала Оля, но попыталась оправдаться: "Ну я же теперь прима. Положение обязывает". И смутилась, сама понимая несерьезность доводов. "Тоже мне прима сопливая". Вышло все и вправду достаточно случайно. "Повезло", - щуря глаза, улыбались бывшие институтские подружки и лицемерно вздыхали в ответ на ее заверения об удачном стечении обстоятельств.

Актриса, исполнявшая до Олиного прихода роли травести, тянула до последнего. Однако, когда Малыш в ее исполнении стал походить на чрезмерно раскормленного Карлсона, режиссер вынужден был срочно подбирать замену. Кому-то из ассистентов попалось резюме выпускницы местного театрального института. Ее отыскали и предложили место травести, причем сразу на пять ролей и полную ставку. Оля невесело усмехнулась, вспомнив, скольких слез стоила ей в свое время столь подходящая для амплуа внешность. Рост в метр пятьдесят с каблуками и курносый мальчишеский нос огорчали до невозможности.

"Права пословица: маленькая собака - до старости щенок", - вздохнула про себя Оля, осторожно ступая по скользкому тротуару. Не прибавило солидности и замужество, а вот забот и огорчений скороспелый брак точно прибавил. Муж, подающий надежды репортер, незаметно перестал быть перспективным, увлекся выпивкой и поисками своей Темы, с которой он непременно вырвется на орбиту большой журналистики. Однако темы так и не отыскалось, а увлечение спиртным переросло в крепкую алкогольную зависимость. Не прибавила гармонии в семейной жизни и успешное начало карьеры жены.

Увлекшись переживаниями, Оля вовсе перестала смотреть по сторонам, поэтому хриплый голос из темноты прозвучал для нее словно пушечный выстрел. Ойкнула, чувствуя расползающийся в животе холод, и, уже не думая о целости каблуков, суматошно кинулась прочь. Но гололед сыграл недобрую шутку.

Подошва заскользила по ледяному зеркалу, и Оля рухнула на колени. Грубый мужской голос прозвучал у самого уха:

- Помочь, подружка?

Сильные руки подхватили ее и подняли с асфальта.

- Смотри, Череп, девка с перепугу, поди, уделалась, - радостно заблажил один из ночных доброхотов. Стриженный налысо бугай с вожделением уставился на симпатичную мордашку. Ничего не соображая от страха, Оля попыталась завизжать, но тут же почувствовала, как жесткая ладонь ударила по лицу, вбивая крик. А еще раз - по затылку. Умелый, хорошо поставленный удар взорвал в голове миллион искр, и все вдруг исчезло.

Очнулась от холода. Собралась с силами, попыталась шевельнуть головой. Лицо зажгло болью, как будто плеснули кислотой. Онемелыми пальцами коснулась губ, стирая застывшую в корку кровь. Хотела заплакать и не смогла. Хрипло закашлялась. С трудом поднялась, не

замечая разодранных в клочья колготок. Дрожь пробила, словно ухватилась за высоковольтный провод. Неловко подвернув ногу, спустилась с залитых чем-то бурым досок беседки и оглянулась. В блеклом мареве рассвета разглядела укрытые кружевным инеем клены.

Сделала шаг, чтобы выйти на занесенную снегом дорожку, но опять подвел коварный каблук. Упала плашмя. Сухо стукнул затылок о едва припорошенный снегом камень, но боли уже не почувствовала. Закружились в водовороте ветки... Белые трубки, горящие пронзительным светом над головой. Смотрела долго, до боли в веках, пока не сообразила: вспомнить, как называются эти светящиеся штуковины, не может. Вертелось на языке короткое, мягкое словечко, и только. Закрыла глаза, спасаясь от мелькающих в зрачках темных мошек. Поморгала, цепляясь ресницами обо что-то шершавое, мягкое. Поразила чистота в мыслях.

"Пустота", - пришло на ум подходящее словцо. И словно в наказание за усилие, пришла тяжесть. Глаза начали слипаться. Проснулась среди ночи. Вновь уставилась в едва различимый контур на потолке. "Лампа! Это же лампа. Как я сразу-то не вспомнила? Господи, что со мной? Где я?" Шевельнула головой, разглядев в полутьме ровные ряды кроватей, укрытые одеялами силуэты, тумбочки. Всмотрелась в неясный свет за окном. И вновь в памяти не отозвалось ничего.

"Чисто в голове. Накрыло ее пушистым снегом. Белоснежным, как кружева". Какие кружева? Не вспомнить. А я? Как меня звать? Имя? Да, точно, имя. Как же меня зовут? Мама звала... Показалось, что еще вот-вот, самую чуточку, и она сможет отыскать ответ, но вместо этого вдруг вспомнила, почти наяву увидела разноцветные лампочки-гирлянды на колючих, пахнущих хвоей лапах стоящей в углу комнаты наряженной ели. И тут невыносимо заныл висок. Почудилось, как грубо, с хрустом, пронзая кожу, вонзилась глубоко в мозг длинная ржавая игла.

Сцепила зубы, из последних сил удерживая крик боли, но не смогла.

- Ну и чего я сделаю? - сонно пробурчала заспанная медсестра, вызванная разбуженными соседями. - Нет у меня обезболивающего. Начальство с наркотой борется. Значит терпите. Может сама угомонится?

Боль достигла предела и выключила сознание. До утра ее соседкам удалось проспать без помех. Очнулась от легкого касания. Открыла глаза и увидела лицо. Кто-то в белом вновь коснулся ее руки. Несильно кольнуло в плечо. Человек заглянул в ее зрачки, шевельнул пальцем из стороны в сторону. Рассеянно провел ладонью по кустикам неровно остриженных волос, торчащих из-под повязки.

Пробормотал едва слышно, словно для себя: "Понимаю, что с такой травмой нельзя, но второго не переживет..." И уже громче, обращаясь к кому-то стоящему позади, добавил:

- Если повторится, колите "трамал", я оставлю ампулу.

Склонился почти к самому лицу и участливо, внятно, произнес:

- Вы помните, как вас зовут? Нет? Возраст? Какой сейчас год?

- Год? - хрипло переспросила она и жалобно улыбнулась.

- Ничего, ничего. Все будет нормально. Через пару дней память должна восстановиться, - однако бодрость в голосе показалась несколько преувеличенной. - Полис у нее есть? Ах, да, ее же с улицы привезли. Ладно, сейчас инъекцию нозепама, а как проснется, пусть свозят к гинекологу. Да, и проследите, чтобы внесли в сводку для УВД. Уже отправили? Хорошо. Девочка вроде ухоженная. Может, родные отыщутся?

И, уже потеряв интерес к пациентке, повернулся к лежащей на соседней кровати старухе. После второго, кольнувшего комариком, укола Оля проспала весь остаток дня. А ночью вернулась Боль. Пронзила из виска в висок ржавая игла, выжигая мозг белоснежным, кружевным огнем. Терпела, сколько могла. Мертво зажав зубами угол одеяла. Под конец не выдержала. Застонала тонко, на выдохе.

Пожилая соседка приподняла голову, сварливо выругалась и тяжело протопала в коридор вызывать дежурную. Медсестра, недовольно вздыхая, вынула ампулу, украдкой глянула на спящих соседей и незаметно уронила стеклянный цилиндр в кармашек крахмального халата. Укол безобидной глюкозы помог мало. Как и в прошлую ночь, спас от мучительной боли омут беспамятства.

"Ожидание хуже смерти", - слова вынырнули из мутного от беспамятства сознания под самое утро. - Смерть? Это хорошо. Это когда ничего. Ни ржавой иглы, ни кружевной белизны. Ничего". Ждала долго. Голова тихо кружилась, тошнило, но игла так и не появлялась. Задремала, когда послышалось шорканье по полу мокрой тряпки и бормотание уборщицы. Разбудил ее все тот же человек в белом.

- Ну-с, как мы себя чувствуем? - присел эскулап возле кровати. - Э... милочка, - потянул он носом. - Маша, а что, она утку не просила? Ну вы, голубушка, проследите. Ладно, ладно, знаю, что некому. Склонился к пациентке: - Как сегодня голова? Болит?

- Нет, сегодня не болела, - зачем-то соврала она и добавила, опасаясь забыть: - Скажите, что со мной?

- Вовсе здорово, - повторил эскулап и выслушал пульс. - Что гинекология? - поинтересовался он у сестры.

Та глянула в карточку:

- Разрывы, но заживают, назначили процедуры.

- В лицевую возили? Хотя... - доктор махнул рукой. - Ладно, потом. Если память вернется, всегда успеем. А нет, и так сойдет. Ну, поправляйся, милая, - кивнул он, вынимая из толстой стопки новую историю болезни.

В обед выпила стакан противного напитка с парой мятых ягод и сжевала кусок черствого хлеба. Задремала ближе к вечеру. И снова блеск мишуры. Яркие зеленые, красные мелькающие огоньки гирлянды на душистых елочных ветках. Хвойная красавица замерла в углу возле старого телевизора, накрытого кружевной салфеткой. И родной мамин голос: "Оленька, ты вырезала снежинки?"

"Оля, Оленька". Проснулась со звучащими в голове словами. Повернула счастливое, сырое под повязкой лицо к соседке в смешном капоре:

- Меня Олей зовут.

Старуха сжала тонкие губы и отвернулась. Но Оля не обратила на вредную соседку никакого внимания. Она лихорадочно попыталась припомнить что-нибудь еще, но кроме отрывочных детских воспоминаний почти ничего. Так куски, отрывки каких-то малозначащих дел и событий. Увы. Следующая ночь прошла спокойно. Игла не вернулась. Помаячила где-то вдалеке, кольнула, предупреждая о себе, но не страшно, скорее тревожно.

Снов не было. А на следующий день к ней пришел посетитель. Без стука, в небрежно накинутом на потертую меховую куртку халате. Человек неуловимо быстро ткнул воздух бордовой корочкой удостоверения, вынул из черной папки бланк и принялся задавать ей вопросы. Однако ответить Оля смогла только на один. Смущенно вздохнула, хлопнув о марлю повязки длинными ресницами:

- Извините.

Опер озадаченно покрутил ручку:

- Ну, хорошо. Написано, что у вас на лице имеются множественные порезы. Вы можете пояснить их происхождение?

дубовость оборота вызвала у Оли слабую улыбку. Она даже не сразу сообразила, что речь идет о ней.

- Не знаю. Не помню, - Оля провела по бинтам рукой. - Вы о чем?

- Так и запишем: "Причину пояснить отказалась". А не возникало у вас желания покончить с собой?

Оля вспомнила боль от пронзившей висок иглы, кажущуюся нескончаемо долгой ночь и задумчиво произнесла:

- Да. Вы знаете, было так больно, что такая мысль мелькнула.

- Вот и хорошо, - застрочил ручкой оперативник. - Значит, суицидальные наклонности подтверждаете.

Кивнула, не слыша вопросов. Голова мягко плыла. Начало действовать принятое незадолго до визита снотворное. Оля осторожно зевнула и рассеянно посмотрела сквозь неопрятного посетителя.

- Все, все. Ухожу. Здесь, пожалуйста, поставьте подпись.

Оперативник, тонко чувствуя состояние потерпевшей, торопливо заполнил форму опроса. Оля занесла ручку над исписанным листком. Однако ее голова была занята решением непростой задачи: "Подпись? Что-то знакомое". Наконец решилась. Вывела крупную букву "О", добавила завиток и закончила коротким "ля".

Старлей хмыкнул, однако бережно уложил листки в папку и куда доброжелательней глянул на безалаберную "малолетку". "Надо же, и чего этим дурам не хватает? - вдруг отметил он блеснувшие в марлевом разрезе глаза и замер, разглядывая неровные кустики белоснежных волос, торчащих из-под повязки. - Симпатичная, наверно? Дура малолетняя, одно слово". Однако долго забивать голову чужими делами затурканный текучкой сотрудник милиции себе позволить не мог. Дежурно посоветовал выздоравливать и удалился, оставив на полу куски серой грязи.

Отказ в возбуждении уголовного дела прокурор "заштамповал" в тот же день. А Олин паспорт вместе с прочей, не заслуживающей внимания ерундой, предусмотрительно подобранный одним из "чернокурточников", навсегда сгинул в ближайшем мусорном баке. Коллеги по театру, конечно же, волновались. Еще бы, вертихвостка едва не сорвала два спектакля. Однако ясность внес муж прогульщицы. Петька, третий день "идущий в пурге", решив вдруг, что жена в очередной раз устроила ему скандал и сбежала к подружке, матерно пояснил звонящему администратору, что эта "шалава" наверняка шляется по мужикам, а следить за ее легкомысленным поведением он не намерен.

"Хорошо, что сразу проявила сущность, - рассудил кадровик, внеся в Олину трудовую короткую запись об увольнении. - Вернется, получит, а нет, так и суда нет. С нас и спрос небольшой". Прошла неделя. Оля начала потихоньку вставать. Сначала от кровати к кровати, по стеночке, а потом и вовсе уверенно пошла. Процедуры, уколы, опять лекарства. Состояние улучшалось стабильно. Совсем скоро Оля могла назвать почти все окружающие ее явления и предметы. Даже память почти вернулась. Несколько ярких отрывков из детства. Но как ни пыталась припомнить Оля свою фамилию, адрес, профессию, не смогла. А события последних нескольких лет и вовсе остались в темноте.

Незаметно пролетело еще несколько дней, неделя. Пришло время снимать швы. Из разговоров с врачами поняла, что попала в больницу после неприятного инцидента. Было это насилием или все случилось почти по обоюдному согласию, врачи не выясняли. Общеизвестно: частичная амнезия, как правило, вышибает именно критические, травмирующие психику воспоминания, цепляя по ходу и остальное. Тем более что, как выяснилось, у девчонки, несмотря на малолетство, оказалась вполне активная взрослая жизнь. "Ну, знать, сама такую судьбу выбрала. Дело хозяйское. А раз уж менты криминала не нашли, то наше дело десятое. Меньше бумажек".

Придя на процедуру, Оля терпеливо дождалась своей очереди и вошла. Сестра глянула в книжку, умело срезала, предварительно отмочив, бинты. Но кожа лица, стянутая, как думала Оля, марлей, почему-то не почувствовала облегчения. Нитки вынимала не так ловко, но тоже быстро. Несколько раз прилично дернуло болью, но Оля стерпела.

- И как? - поинтересовалась у сестры пациентка.

- Нормально, - глядя в угол, отозвалась, сжав губы, медичка. - Все зажило, нагноений нет. Вы свободны.

Вошла в палату, и тут же повисла тишина. Так же тихо было, когда умерла тетя Маша, та самая старуха, Олина соседка. Охнула и мгновенно уставилась в окно поступившая с бытовухой девчонка. Вильнув взглядом, уткнулась в кроссворд лежащая у окна толстуха. Оля потянулась рукой к маленькому, стоящему на непрочной проволочной ножке зеркальцу. Петровна дернулась, чтобы перехватить, но не успела.

В потрескавшейся амальгаме отразилось не лицо. Изорванная рваными шрамами рожа не могла быть лицом. Одна губа, хищно разрезанная пополам, открывала ряд зубов, зато другой уголок, свернутый в узел, заставил содрогнуться в отвращении. Звякнуло, разлетаясь на куски, зеркало. Она лежала, уткнувшись лицом в подушку. Мыслей не было. "Холодная решимость, впервые возникшая в ту ночь, теперь сложилась в твердую уверенность: это нетрудно. И это выход". Ей, и правда, было совсем не страшно.

"Страшно, когда что-то теряешь. А когда нечего..." Оля выдохнула, и стало легче. "Пусть отворачиваются, пусть хихикают за спиной. Пусть шепчутся. Меня уже не будет". То, что не выжгла ржавая игла, задавила сама. Чувства, опережая события, умерли. Она научилась не отводить глаза в ответ на опасливые и в то же время любопытные взгляды посетителей, не впускала в душу неумелые слова участия соседок по палате. "Нет ничего, да теперь и не будет".

Вот только исполнять задуманное здесь ей не хотелось. Она представила вдруг, как лежит ее тело с обезображенным, страшным лицом на мерзлом полу местного морга. "Ну нет. Гораздо лучше сделать все так, чтобы никто и никогда больше не смог увидеть ее. И она знала как". Точеная фигурка и платиновые волосы девчонки привлекали внимание, заставляли мужчин автоматически оборачиваться вслед, но стоило случайному гостю увидеть лицо обладательницы редкостной красоты шевелюры, как наваждение уступало место испуганному вздоху и гримасе, скрыть которую удавалось не всем.

Все когда-нибудь заканчивается. Подошла к концу и больничная жизнь. В один из дней ноября заведующий отделением вызвал ее в ординаторскую.

- Не обижайся, но дольше тебя держать не могу. Справку, конечно, дам. Попробуй написать заявление. Не знаю, как там нужно. А лицо, это ведь не главное. Живут ведь люди. А может и память вернется? Должна. - Чувствуя крайнюю неловкость из-за того, что не может заставить себя взглянуть в лицо девушки, врач болезненно поморщился и в сердцах выругался: - Я что, виноват, что у нас законы такие?..

- Олег Петрович, да не расстраивайтесь вы так. Я все понимаю, - Оля растянула губы в жуткую гримасу, изобразив улыбку. Все верно, она не закончила, а вместо этого негромко пропела строчку из старой комедии: - "...а людей у нас хороших больше, чем плохих"...

Доктор удивленно уставил в обрамленное неземными, пепельно-белыми волосами и от того еще более безобразное лицо. "Сучья жизнь, - мысленно повторил он. - А голос-то у девочки превосходный, и на пятнадцать она только выглядит. Может, стоит попытаться, как-то помочь..." Додумать не успел, в кабинет заглянула сестра: "Тяжелого привезли, вас зовут..."

- Да, да, иду, - заторопился врач. Вещи для несуразной пацанки собирали всей палатой. Кто-то принес почти новые джинсы, из которых выросли дети, кто-то отдал старую кофту. Поэтому на откровенную бомжиху Оля не походила. Скорее, на девчонку-подростка из не слишком состоятельной семьи. Набрали и денег. Немного, но все же лучше, чем ничего. Оля благодарила. Деньги взяла: "Хотя и не пригодятся, но не обижать же людей, от чистого сердца".

Морозный воздух обжег легкие. Оля поддернула замок пуховика, глянула в затянутое тучами небо и уверенно, даже не обернувшись на бывших соседок, глядящих ей в след из окна палаты, двинулась к скрипящим от резких порывов холодного ветра воротам. "Раз есть река, есть и мост. Вот и весь расклад". Громадный, с широкими арками, он подходил как нельзя лучше. Узенький тротуар на продуваемом колючим декабрьским ветром мосту - место для

прогулок не самое подходящее, и потому Оля не опасалась взглядов случайных прохожих. Она скинула капюшон, сняла и отбросила далеко в сторону дурацкую шапку. Задумчиво проследила, как та, кувыркаясь по пути от порывов ветра, летит далеко вниз, к парящей воде.

Остановилась на середине моста. Мимо сплошным потоком летели машины. "Хороший мост. Надежный". Оля перекинула ноги через перила и замерла, решаясь. Качнулась назад, чтобы толкнуться как можно сильнее.

Глава 2

Непонятная сила рванула назад. Дернулась, пытаясь освободиться. Без результата. С таким же успехом могла бороться с экскаватором. Держало мертво. Секунда, другая, наконец, захват стал слабее. Оля обернулась и удивленно хмыкнула. Обладатель железной хватки оказался щупленьким, одетым в кургузую шубейку, дедком. Пегая, неопрятная бороденка, кустистые брови. Потертая кроличья шапка.

А рядом, у обочины, тарахтит такой же потрепанный, как и его хозяин, непонятного цвета "Жигуленок".

- Так и будешь держать? - холодно спросила Оля, с легким злорадством представив, какую оторопь испытывает при виде ее изуродованного лица непрошеный спаситель. Однако дедок, казалось, вовсе не заметил ее уродства.

- Не люблю я этого, в пробках стоять, - неожиданно огорошил он. Махнул ухом кроличьего малахая в сторону дороги. - Здесь место людное. Увидит кто твой полет, как есть в милицию сообщит. Они, ясно дело, искать начнут. А мне скоро назад ехать. Я ж потом в пробке до вечера простою.

- Может, ты погодишь немного с этим? - кивнул он в сторону парящей внизу поверхности. - Ну хоть с полчасика.

Объяснение вышло логичным, но покоробила его чрезмерная приземленность.

- Ладно, дед, отпусти, - Оля скривила губы в презрительной улыбке. - Полчаса я, так и быть, могу подождать. Только холодно здесь. Ты уж поторопись, а то замерзну.

- Ого, серьезная девочка, - дед приподнял мохнатую бровь, глянул на ее тоненькую куртку. - А ты вот чего, ты садись-ка в машину. Со мной прокатишься, а на обратном пути я тебя здесь высажу. Так и мне спешить не придется, и ты не замерзнешь, дожидаясь. Идет?

- Ладно, - нехотя согласилась Оля. - Все равно ведь не дашь спокойно закончить. Не отвяжешься.

Старик выпустил ее рукав, повернулся и двинулся к машине. Пошел уверенно, словно и не сомневался в том, идет ли девчонка за ним следом. Но Оля и не думала обманывать. Ей было все равно. "Сейчас или чуть позже, какая разница"?

Старик уселся на потертое сиденье, дисциплинированно пристегнул ремень безопасности и вдруг, ловко угадав момент, когда в потоке машин возник секундный просвет, неожиданно шустро для старой колымаги вписал ее в движение. Побрякивая дырявым глушителем, машина покатила вдоль широкой набережной. Неожиданно раритетный аппарат свернул к обочине.

- Движок-то у меня старый. Греется, - пояснил старик, - постоим чуток, остынет. - И тут же без перехода спросил: - Твердо решила? Не бойся, отговаривать не собираюсь. Мне просто интересно.

Не видя смысла скрывать, кивнула.

- А причина? - нарушил обещание любопытный пенсионер.

- Много, - скупо обронила Оля, глядя в окно на свинцовые волны.

- И все же?

- Память потеряла, документы, лицо - сам видишь.

- Рожа - Гуинплен позавидует, - вырвалось у нее вдруг.

- Это все? - дед состроил смешную гримасу.

- Ну, дома еще нет. Денег. Ничего нет.

- И только? Я то думал... - старик пренебрежительно усмехнулся. Повернул голову, всмотрелся в парящее зеркало мутной воды за оградой парапета: - Но тут ты права. Там у тебя этих проблем точно не будет. Может, еще чего вспомнишь?

- Да пошел ты!.. - со злостью рявкнула Оля так, что задрожали стекла. - Тебе этого мало? Ты сдурел, дед? Что ты понимаешь, пенек старый? - И закончила уже вовсе непечатной фразой.

- Ай, молодца, ай умничка, - залился смехом, согнав морщины на переносицу, старикан. - Я думал, совсем замерзла душа-то, а вот смотри, нет. Пробилась. Чего ж ты, девочка, такую душу топить собралась? А если скажу, что все твои проблемы - это ерунда на постном масле, поверишь?

- Не поверю, - безразлично отозвалась Оля. Дав выход злости, она внезапно успокоилась.

- Главная причина, по которой ты сюда, на мост, пришла, не в том, о чем прежде сказала. Главное - ты веру в людей потеряла... - дед вновь собрал вокруг глаз морщины и захихикал. - Хочешь, скажу, как твои проблемы решаются? Оговорюсь сразу, а то ты меня ненароком за жулика примешь. Теоретически решаются. Слово-то знакомое?

Оля согласно кивнула, поймавшись на элементарную уловку.

- Первое дело тебе нужно денег добыть, - собеседник поднял вверх палец. - Как? А вот, к примеру, банк ограбить. Боязно? Конечно. Но, имея решимость расстаться с жизнью, не трудно. Когда терять нечего, когда голова холодная и смерть не страшна, шансов на успех гораздо больше, чем если просто за наживой идешь. Ну не вышло, положим, так это тоже вариант. Прыгать не надо. Стрельнет охрана в голову, и закрыт вопрос. Согласись, выход?

- Ладно. Это я в шутку. Про банк. Ограбить, положим, не каждому дано. Тут сноровка нужна. Ну, так не один десяток более простых способов деньги достать имеется. Найти их, при желании, легко. А уж с деньгами ты и лицо выправишь, и домом обзаведешься.

- Как у тебя просто выходит. Раз-два, и готово. Слова это все, - съязвила Оля.

- Не надо вот только про сложности, - досадливо отмахнулся старик. - Самая любимая отговорка трусов и лентяев. Еще и не пробовала, а заныла. А откуда ты знаешь, что труднее? Ты думаешь, вниз шагнуть - это легче? Ох, огорчу тебя, девка. Там, на подлете, а лететь будешь долго, пять раз пожалеть, передумать успеешь. Ответственно заявляю. Благим матом орать и, прости за пошлость, кипятком писать будешь, чтоб назад все исправить. Да поздно будет.

Странное дело, но Олина решимость ослабла. Мысли заметались. Понимая, что выполнить задуманное сейчас не хватит сил, растеряно, почти жалобно шмыгнула носом: - И что мне теперь делать?.. На вокзал, с бомжами?

- Как звать тебя? - дед развел губы в усмешке. - Оля? Хорошее имя, доброе. А я Михаил Степанович. Вот и познакомились.

- Как это там у классика? "Мы в ответе за тех, кого не убили...", - пробормотал он вдруг еле слышно и повернул ключ в замке зажигания.

- Ты кто, дед, - спросила Оля, - и куда мы едем?

- Кто? - старик помолчал. - Человек. Надеюсь на это, по крайней мере. - Он вдруг оборвал себя и уставился на раскисший снег, летящий из-под колес идущей впереди машины. - А едем мы, милая барышня, ко мне домой, - вынырнул он из неожиданного молчания.

- Ты, смею думать, не считаешь меня, прости за слово, этим, как его, педофилом, желающим воспользоваться твоим расстроенным состоянием?.. - словоохотливо пояснил водитель, не забывая, впрочем, поглядывать на дорогу.

- А сам не боишься? - криво усмехнулась Оля, которой надоело слушать бормотание старика. - Бабка тебе остатки волос не повыдергает за такую гостью?

- Проживаю я, в некотором роде, отшельником. Люди ко мне нечасто заходят. Устраивает такой ответ? Ну и славно, - ничуть не смутившись, мелко захихикал старик. - Избушка у меня просторная. Места хватит. Переночуй, подумай над словами моими, ну а утром и решай. Ну а если соберешься обратно на мост, удерживать не стану, вот тебе крест. Да и зачем? Мне постояльцы без надобности.

Город закончился, мелькнул за окном "ужастик" Промзоны, и вот по сторонам дороги раскинулись укрытые снегом поля. Притормозив возле заметного одному ему поворота, старик

ловко вывернул руль, и машина, переваливаясь на снежных колдобинах, выползла на проселочную дорогу. Непрестанно "крякая" на ухабах и опасно пробуксовывая, старенький Жигуленок, тем не менее, настырно пополз вперед.

- Редко здесь люди-то ездят, - проворчал дед. - Иной раз и по неделе в своем медвежьем углу сижу, бывает, что как твой Робинзон. А так ничего.

Оля молчала, по сторонам не смотрела. Небольшой всплеск эмоций уступил место привычной апатии. Накатилась новая волна мрачной решимости.

Водитель мимоходом покосился на сидящую рядом с ним пассажирку и досадливо поморщился.

- Знаешь что, девонька, - серьезно, оставив шутовское балагурство на трассе, произнес старик. - Давай об одном договоримся. Пока ты здесь, у меня будешь, ты эти глупости на время оставь. Тебе все едино, где счеты сводить, а меня потом власти затаскают, допросами замучают. Ты погоди, ладно? Решишься, скажи, в тот же день тебя назад в город и свезу.

Оля подняла бровь, отметив, что старик не собирается выгонять ее из дома на следующее утро, как сказал раньше, но промолчала. Удивляться, да и просто думать ни о чем не хотелось.

- Вот и хорошо. Вот и ладненько. Будем считать, договорились, - превратившись на миг в доброго сказочного гнома, произнес старик с усмешкой.

Последнюю сотню метров по занесенной снегом дороге машина еле ползла. Наконец, жалобно скрипнув стертыми до железа колодками, остановилась возле высокой, в два роста бревенчатой ограды. Старик сноровисто выскочил из салона и потрусил к таким же высоким, сколоченным из толстых, словно бы дубовых досок, воротам, смешно загребая полами шубейки снег.

Ловко, на удивление легко, распахнул их и вернулся обратно в теплый салон. Оля глянула в окно, ожидая увидеть ветхую, покосившуюся бревенчатую избушку, однако взгляду открылся двухэтажный, из благородного, темного от времени камня, дом.

- Крепче ограда - лучше соседи. А еще лучше, когда и вовсе без них, - причитая вполголоса, старик загнал машину во двор и двинулся к сарайчику, видимо, играющему в усадьбе роль гаража. "Зачем я здесь?" - отстраненно подумалось Оле. Она вздрогнула, высвобождаясь от непонятной магии обаяния старика, оглянулась, прикидывая возможности для исполнения задуманного.

Внезапно вспомнилась просьба: "А дедок вроде неплохой, может, и правда, не стоит подводить? Ладно, завтра будет видно. Не отвезет, и хрен с ним, пусть тогда сам расхлебывает", - приняла Оля решение и глянула по сторонам с большим интересом.

Громадный, сошедший с картин о старой жизни двор. Банька со штабелем березовых чурок вдоль стены. Крытый черепицей сарай. Удивило, что двор вымощен булыжником. Не галькой, а настоящей брусчаткой, подогнанной одна к одной и без единой снежной проплешины. "Хозяйственный старикан, - хмыкнула Оля чуть презрительно. - Одной ногой в могиле, а все туда же. Суетится, хлопочет..."

Вернулся хозяин. Глянул на пассажирку, пытаясь что-то прочесть в ее лице.

- Ну и то ладно, - хмыкнул непонятно. - Завтра, так завтра. А впрочем, все будет... Ты уж мне поверь.

Дед улыбнулся, и потеплело в сердце. Смогла вздохнуть полной грудью.

- Пойдем, гостья, дом покажу, познакомлю, - Михаил Степанович прихлопнул сухими ладошками.

На звук подбежал большой, похожий на плюшевого мишку, пес. Водолаз обошел гостью, чавкнул, облизав нос, и шумно втянул морозный воздух.

- Смотри, признал тебя барбос мой. Минькой его зовут. Вениамином, то есть, - дед почесал лохматое, большое, как лопух, собачье ухо. - Ну, давай, познакомься с гостьей.

Пес пригнул лобастую голову и сунул ее под Олину ладонь, толкнул легонько.

- Погладь, погладь, - усмехнулся Михаил Степанович. - Я-то не любитель, а ему поласкаться хочется.

Провела ладонью по гладкой шерсти и услышала, как пес чуть слышно вздохнул. "Надо же? - скупо улыбнулась Оля. - Поздоровался".

Но внутреннее убранство дома заставило удивиться. Вместо ожидаемой паутины, сумрака и крашеных полов деревенской избы встретила неяркая подсветка софитов и буржуйский, вощеный паркет. Скинув обувь, прошла по теплым плиткам широкого, впору идти вдвоем, коридора в гостиную. Матовая панель телевизора, диван, поблескивающий кремовой гладкой кожей.

А самое главное - кресло-качалка с небрежно брошенным на нее клетчатым пледом у громадного, в пол стены, камина. Старинные часы на каминной полке и позеленевшие от времени канделябры с оплывшими свечами.

- Это гостиная, а твоя спальня будет наверху. Не холодно в доме? Автомат на двадцать четыре градуса выставлен, но если тебе будет прохладно, ты скажи, - хозяин поднялся на второй этаж, повернул витую ручку двери, пропуская гостью вперед.

Добротная деревянная кровать с гнутой спинкой, застеленная шерстяным покрывалом, ковер, огромное окно во всю стену, закрытое тяжелыми портьерами. Небольшой телевизор-панель.

- Располагайся, - шагнул дед к выходу. - Надумаешь помыться, дверь в душ слева. Халат, полотенце - в шкафу. Барахло свое лучше не надевай. Сегодня как-нибудь, ну а утром подберем чего-нибудь. А я в кухню, приготовлю поужинать там чего на скорую руку.

Гостья осмотрелась, нерешительно присела на мягкий край кровати, озадаченно почесала колючий ежик. И тут ей страшно, мучительно захотелось смыть с себя всю больничную грязь. Избавиться от преследующего ее запаха хлорки и еще чего-то.

Отыскав на полке махровый халат в целлофановой упаковке, отворила покрытую березовым шпоном дверь в ванну. Душевая кабина за матовым стеклом поразила обилием непонятных ручек. Однако разобралась. Долго стояла под горячими струями. А накинув мягкий, до самого пола, халат, нечаянно глянула в запотевшее зеркало. Отшатнулась. И в то же мгновенье наваждение исчезло. Сдавило сердце.

Пересилив себя, закончила туалет и спустилась по высоким ступеням на первый этаж. Кухню нашла с третьей попытки. Обычная по европейским меркам столовая, отделенная от кухни небольшой стойкой, в затерянной среди леса избе смотрелась неожиданно. Веер блестящих нержавейкой ножей, керамика продвинутой плиты. А за полукруглым, аккуратно сервированным столиком, сидел хозяин.

- Ужинать будешь? - попросту осведомился он, прихлебывая чай.

Кофе оказался хорош. Так же, как и чашка из невесомого фарфора с тоненькой золотой полоской по краю. Дед прищурился, разглядывая ежик Олиных волос.

- Это бывает, - непонятно пробормотал и вновь уткнулся в тарелку.

- Что? - повелась девчонка.

- Пигмент. Болевой шок сжигает вырабатывающие красящий пигмент клетки. Придется теперь жить с такими. Но это ничего.

- Потерплю. Недолго.

- Вот, значит?.. - Михаил Степанович аккуратно вытер тарелку кусочком хлеба и отодвинул на край стола. - Спасибо, - поблагодарил неизвестно кого странный пенсионер. - Ну, хозяин-барин, - он пожевал губу. - Завтра с утречка, коли захочешь, отвезу, куда скажешь. Договорились?

Оля допила кофе, кивнула, приняв к сведению, и отправилась в спальню. Разбудил ее нахальный, отыскавший лазейку в складке портьер, солнечный лучик. Уперся прямо в глаз и разбудил. Она потянулась, чувствуя себя маленькой и беззащитной. И внезапно скупо улыбну-

лась. Луч сдвинулся и пропал. А вот потянутая от гримасы кожа вернула к действительности. Исчезло наваждение покоя и беззаботности. Поднялась и отправилась в душ.

"К хорошему привыкаешь быстро", - мелькнула избитая фраза. Стараясь не встретиться глазами с отражением, умылась. И тут поняла, что зеркало исчезло: "Вот это да? Он что, мысли читает?" Подумала и, плюнув на все, залезла под душ. "Положено чистым на смерть выходить..." - откуда это? Песня? Кажется, - вспоминать не пыталась.

В комнате, пока она плескалась, произошли изменения. На кровати стояло несколько огромных, блестящих глянцевыми боками, пакетов. Феретти, Гуччи, Прада... Что-то знакомое? Оказалось, одежда. Поискала свою, брошенную у шкафа, не нашла и принялась вытаскивать обновки. Отвлек стук. Дедок заглянул в комнату:

- Доброе утро. Извини, барахло твое выбросил. Не обессудь. Сгонял вчера в сельпо, прикупил кое-что. Если не по размеру, обещали поменять.

- Не забыл, мы с тобой собирались?.. - перебила Оля.

- Непременно, - Михаил Степанович поскреб затылок. - Только по пути, не откажи старику в любезности, заедем по пути в одно местечко, а после уж как будет угодно.

- Если не долго...

Старик вышел, а Оля принялась разбирать пакеты. В первом оказалась короткая куртка из мягкой дубленой замши, с шоколадно-серебристой меховой изнанкой. "Как же он называется? Смешное что-то вертится. Норка?" - Оля провела пальцами по прохладному шелковистому меху, пытаясь понять, отчего вдруг сжало сердце, но не смогла. Отложив куртку в сторону, вытянула из пакета другую вещь.

Джинсы с вышитыми на заднем кармашке золотыми колечками, оказались впору, как и мягкий свитер с белоснежными оленями на груди. А вот обувь слегка удивила. Ботинки с жесткой подошвой и низеньким прочным каблуком, но зато с длинным шнурованным голенищем, они мало подходили к остальному наряду. Однако и с их размером дед почти угадал. Выручили толстые хлопчатые носки. Оля примерила обновки и не сдержалась, поискала взглядом зеркало: "Увы. А впрочем, может, и к лучшему".

В последнем пакетике отыскалось несколько пар разномастных, с блестящими камешками на оправе, солнцезащитных очков. Не выбирая, наугад, сунула в карман и отправилась в столовую.

- Подошло? - окинул старик ее наряд внимательным взглядом. - Я Зинке так и сказал: "Ежели с размером не угадаешь, больше не приду". Расстаралась. Хотя я этакий ковбойский стиль как-то не очень понимаю. Но там, куда мы собираемся, он в самый раз будет. А тебе, так понял, и без разницы.

Оля нетерпеливо глянула на часы. От завтрака отказалась. Не сумела удержаться только от чашечки ароматного кофе, заваренного в хитро пыхтящем агрегате.

- С богом, - наконец поднялся из-за стола хозяин, вытирая губы белоснежной салфеткой. - Эх, грехи наши тяжкие. Как-никак на тот свет провожаю, а язык, что твое помело.

Прогретый автомобиль уже стоял возле крыльца. Выскочил Минька. Обежал вокруг, признал и потыкался в ногу, здороваясь.

- Некогда нам, Веньямин, после, - остановил собаку строгий голос старика.

Михаил Степанович, похожий в своей потертой кацавейке на едущего в собес пенсионера, спустился с крыльца. Пес вздохнул и нехотя отправился назад. Возле порога остановился, помахивая громадным хвостом, коротко гавкнул.

- Сам такой, - беззлобно отозвался на высказанную обиду из машины Михаил Степанович. - Садись, Оля. Здесь недалеко.

Десяток минут по шоссе, и снова сверток. Уже на бетонку. Остановились возле крашеного зеленым забора. Из будки выглянул солдат в камуфляжной куртке.

- Здравия желаю, - часовой махнул рукой к шапке с кокардой и нажал кнопку, поднимая шлагбаум.

Машина протарахтела вдоль одинаковых домиков, миновала расчерченный плац и выскочила на выложенное бетонными плитами поле.

"Аэродром? - удивилась Оля, когда их тарантас остановился возле маленького, похожего на замершего перед прыжком кузнечика, двукрылого самолетика. - Как же он называется?.."

- "Кукурузник", - словно отвечая на невысказанный вопрос, пояснил дед. - Не смотря на то, что как Никиту "Кукурузником" кличут, но машинка надежная.

Он выскочил из нагретого салона "Жигулей" и подошел к летчику: - Привет, Петрович. Все нормально?

- Ага, по плану, - отозвался пилот.

- У меня тоже. С командиром полка согласовал, за горючку денежку внес, можно трогать.

- Тогда поехали, - буднично обронил пилот и шагнул на ступеньку лесенки. В проеме люка обернулся. - Аппараты я сам отобрал. Проверил, страховку на триста метров выставил.

- Ну, значит, поехали, - дед махнул, выманивая Ольгу из машины. - Оля, вот это и есть для тебя возможность решить все разом. Без пошлой беготни по мостам. Прыгнуть с парашютом. Если твердо решила сделать то, что задумала. Тогда все сразу и кончится. Без мороки. А нет, будет возможность передумать. Согласна, или слабо?

Не обращая внимания на легкую усмешку, которая, как показалось, прозвучала в последних словах деда, прислушалась к себе, коснулась теплыми пальцами затвердевшего на морозце шрама, задумалась: "А что, действительно - выход. Не надо никуда ехать, тащиться по продуваемому всеми ветрами мосту"... - Согласна, - твердо сказала Оля и шагнула в полукруг дверей.

Парашют, защитного цвета рюкзак с переплетением непонятных лямок помог надеть летчик. Забравшийся следом дед осмотрел снаряжение, умело подтянул ремни и защелкнул на груди тугой карабин.

- Готово, - крикнул он, сноровисто повторяя ритуал облачения. - А я, пожалуй, тоже прыгну, разомну косточки. Тряхну, хе-хе, стариной, - мелко засмеялся Михаил Степанович.

Перетянутая брезентовыми ремнями шубейка и натянутая на лицо белая маска под облезлым треухом выглядели настолько дико, что, несмотря на всю трагичность момента, не сдержалась, хрюкнула.

- Это еще зачем? - ткнула пальцем в маскарадное облачение.

- Наверху холодрыга, ветер, а я крем от морщин не захватил, - глухо отозвался старик с невероятной серьезностью. - Тебе, поди, наплевать, а мне еще обратно, домой ехать, Миньку кормить.

Невольно вспомнив черный нос-пуговицу, ткнувшуюся ей в руку, Оля ощутила вдруг чувство какой-то неправильности всего происходящего, даже легкой обиды. Еще несколько минут и ее совсем не будет, а старый хрыч беспокоится о какой-то ерунде. Однако взяла себя в руки, сжала зубы, гоня секундную слабость.

Глухо хлопнул закрывшийся люк, отсекая солнечный свет. Самолетик зарычал двигателем, дрогнул и вдруг сноровисто побежал вперед, ощутимо подпрыгивая на неровных стыках бетонки. Мелькнул в иллюминаторе полосатый скворечник вышки. Внезапно тряска прекратилась, звук выровнялся, а самолетик задрал нос и полез вверх, взбираясь по крутой горке. Совсем рядом с крылом пронеслись верхушки деревьев, показался и исчез где-то внизу игрушечным домиком, разрезав бесконечное белое поле, убежала вдаль нитка дороги.

Проткнув случайное молочно-кисейное облачко, самолетик набрал высоту, выровнялся. Ослепил, ударив в глаза, нестерпимо яркий свет солнца. Оля зажмурилась. И тут коротко пискнул сигнал.

- Готова? - крикнул дедок, перекрывая шум, поднялся с брезентового стула-лавочки.

- Как твоя-то? - поинтересовался он у вышедшего из кабины пилотов мужичка в меховой куртке.

- Спасибо, Михаил Степанович. Все нормально. Выздоравливает, привет передает. Кланяться велела. В гости зовет.

- Зайду, - кивнул безликой маской дед.

- Пора, что ль? - глянул он в полукруг иллюминатора. Военный уперся в рычаг и потянул дверь. Засвистел пронизывающий ветер.

- Сколько? - поинтересовался дед у выпускающего.

- Восемьсот, - отозвался летчик.

- Оля, вот эта ерундовина называется "кольцо". Обхвати. Так, нормально. Если передумаешь на тот свет, тяни на себя, нет - не тяни. Видишь, все просто. Нарушаю, конечно. По правилам инструктаж, конечно, иначе проводится. Ну да в нашем случае и так сойдет.

- Поехали, - скомандовал он, посторонился, уступая дорогу даме.

Оля задержалась на миг и решительно шагнула в бездну.

- Ого, - уважительно крякнул механик.

- А то?.. - горделиво пробормотал старик и рыбкой, на лету группируясь, сиганул следом за спутницей.

Похваченная бешеным потоком, крутанулась через голову и вдруг увидела, как удаляется зеленый профиль крыла. Обожгло понимание: "Все это всерьез. Солнце, ветер, небо. Они будут. А я?" - заметались испуганной стаей суматошные мысли. Обвалилось куда-то вниз сердце. Вышибая слезы и тут же унося их, резал лицо ледяной ветер. Распахнула глаза и в размытых очертаниях увидела землю. Она росла, невероятно быстро приближаясь.

И тут, ломая все доводы рассудка, захлестнул сердце страх. "Жить, на хрен... жить", - рука сама собой рванула кольцо. И не было в мире силы, способной удержать ее в этот миг. Но ничего не случилось. Свободное падение продолжалось.

А в сердце заметалась паника, бесконтрольная, животная. Она вновь попыталась дернуть уже свободно болтающийся тросик. И тут рвануло. Но боль принесла такое счастье, что она заорала. Закричала так, что сбилось дыхание. Полет замедлился, показалось даже, что падение и вовсе прекратилось, но вдруг мимо пронеслось что-то большое, черное. Глянула вслед и сообразила, это ее спутник: "А он? Что же?"

И тут только пришло понимание, как быстро летела она навстречу с землей. Но вспыхнул белоснежный цветок, и внизу распустился еще один купол. Оля подняла голову. В разрывы шелкового шатра виднелось небо. Земля начала расти, различимы стали пятна сугробов на заснеженном поле. Удар согнул ноги и повалил набок. Потянул за собой купол. Откуда-то сбоку выскочил старик. Погасил громадный шелковый кокон, помог подняться.

Оля стояла посреди снежной пустыни. Мыслей не было. Только счастье. Она жива. И тут из глаз хлынули слезы. Не те, выбитые ударами ледяного ветра, а сладкие, приносящие покой и радость, слезы. Размазывая соленые ручейки рукавом мягкой замши, повернулась к деду.

- Поехали, Оля, - он кивнул на стоящую неподалеку "копейку".

Из машины выбрался кто-то в комбинезоне и начал сноровисто убирать свернутые парашюты. Тепло салона, журчание двигателя навеяли сон. Оля вдруг вздрогнула:

- А если бы не дернула? - спросила она, глядя на невозмутимо рулящего Михаила Степановича.

Он хмыкнул:- Со мной бы спускаться пришлось, делов-то. Неужто, не поймал. Спустились бы, - он чуть смущенно кашлянул. - Да ладно... это я пошутил. Там прибор специальный есть. Он бы сам парашют раскрыл, ежели чего.

Старик замолчал. Молчала и Ольга. Закрыла глаза, вспоминая мелькание облаков. И тут в ее голове пронеслись, пусть говорят, что не бывает, но за долю секунды промелькнули сотни, тысячи кадров. Садик, ободранный паровозик на участке. Березка с обломанными ветками.

Парты и доска с надписью мелом. Уютное кресло, и мама в нем, с неизменным вязанием в руках.

Она распахнула глаза. И прошептала хрипло:

- Я вспомнила. Степаныч, я вспомнила...

Дед горделиво улыбнулся и повертел головой:

- А то?.. Ну и умница. То и ладно...

Глава 3

Утро принесло новые заботы. Позавтракали и, как по молчаливому уговору, двинулись в гостиную. Сели у камина.

- Михаил Степанович, а что дальше? - Ольга оторвала взгляд от багровых сполохов.

- Ась? Дальше-то? Так жить надо... Да не хмурься ты, понял я вопрос твой. Давно жду, когда спросишь.

- Прежде всего, решить должна, для себя. Хочешь все назад вернуть или?..

Она дернула головой, отвергая саму возможность обсуждения.

- Отомстить хочу. Сильной стать, мразь эту не бояться. Жить без страха, - добавила чуть тише: - Всю жизнь чего-то боюсь. В детстве - одной оставаться. Потом - боли, насмешек. А теперь - это. Надоело. А назад в театр не вернусь. И к Петьке тоже. Сгорело все. Буду сильной, смогу себя защитить, отпор дать.

- Ясное дело, против лома нет приема, - захихикал старик. И добавил ехидно: - Окромя другого лома.

- Дедушка. Ну и для чего так жить, бояться всего? А еще с этим уродством, - она кивнула на отражение в стекле.

- Это как раз самое простое. Я о душе спросил... Ну, да понял уже, - он замолчал, подумал и, привстав с кресла, ткнул ее в локоть: - Вот смотри. Легонько, кажется, да? А попробуй руку поднять. Не выходит? То-то. Сила, она разная бывает.

Михаил Степанович провел ладонью, нажал на запястье:

- Видишь, отпустило. Потому и говорю: чего больше, желания отомстить, или себя изменить, чтоб не бояться?..

- Я, вот, жизнь, считай, прожил. Хлебнул всякого, - он вынул из шкафа небольшую шкатулку. - Тут все, что нажил, и потерял - тоже.

Отложил стопку орденских книжек и достал несколько фотографий: - Это жена моя, сын. Внучка на тебя, кстати, похожа. Да не хватайся ты за лицо. Я знаю, похожа.

Оля разглядывала чужие счастливые лица, думая о своем. "А я, кто есть у меня? Петька? Да, наверное, даже искать не стал. Работа? Ерунда. Ничего нет. Ни дома, ни документов. Даже лица нет".

Старик выудил простенький телефончик, обмотанный для прочности синенькой изолентой. Сощурился, тыкая в кнопки.

- Ванюша? Узнал? Живу, чего мне. Новость у меня, Иван. Внучка нашлась. Пять лет искал, а вот отыскалась. Это история длинная. Такое дело, паспорта у нее так и нету. Метрики там разные. Не до того ей. Сам понимаешь. Выбери время, заскочи к старику. Я бумажки отдам, выправи, чего надо. А я уж... Все, молчу, молчу, знаю, и так выручишь. Когда? Ну, этак через пару неделек нормально будет.

- Не обидел? - глянул старик на Олю. - Тебе сейчас документ нужен, а пока сама сделаешь. О-го-го, намучаешься, ты же не местная? Пока внучкой моей будешь числиться, а переделать не трудно.

- Михаил Степаныч, да зачем вам проблемы эти? - попыталась отговориться смущенная девчонка.

Старик предостерегающе поднял палец. Он успел набрать другой номер и ждал ответа.

- Семен Игнатьевич, - другим, совсем не старческим, голосом обратился дед к абоненту. - Михаил Степанович это. Как дела? Нормально? ...Да тоже ничего. Ладно, знаю, ты человек занятой, сразу к делу. У тебя "лицевик" в госпитале кто лучший? Ага. Нужно мне тут личико подправить. Ну, ты скажешь... Стар я для этого. Девочке одной. В беду попала, а хирург напортил.

- Кто делал? - переспросил старик. - Да ладно. С ним я сам, потом. Сейчас главное - исправить.

Выслушал рокочущий в трубке голос:

- В госпиталь? Хорошо. Значит, завтра с утречка и подъедем.

- Все, до связи, - коротко простился он.

Вот и вторая проблема, считай, решилась.

- Вы о чем? - она уже догадалась, что старик вел речь об операции, но не могла связать дорогостоящую процедуру с мимоходной легкостью разговора. Возникло вдруг странное, двойственное чувство. С одной стороны, испытала благодарность к нежданному помощнику, а с другой, укололо понимание - бесплатных пирожных не бывает. А чем она может отплатить?

- Завтра, с утра, едем в гарнизонный госпиталь. Есть там один майор. Фамилия - Степанов. Из Москвы к нему приезжают. Мастер от бога, - дед прервался. - Ты и не рада, вроде?

- Спасибо вам, конечно, за все. Но ведь ничем... Может, не стоит? - произнесла Оля, старательно, чтобы не обидеть старика, подбирая слова.

- Цыц, - дед свел брови к переносице и даже топнул ногой, обутой в шерстяной носок. - Ишь ты. Хотя, может, ты и права. Со стороны это все странно выглядит. Наверное, стоит объяснить кое-что. - Он помедлил, перевел дух.

- Они у меня самое дорогое были, - коснулся старик фотографий. - Так вышло, сына на Кавказ служить отправили, он тогда капитаном был. Жена с дочкой с ним поехала... а мать в гости напросилась. А тут как раз это и началось. Их и... Просто, зашли в городок среди ночи. Одной гранатой. - Дед замолчал. В голосе не было ни злости, ни боли, ничего. Просто рассказывал.

- Тела на опознание в Ростов привезли. Всех, кроме внучкиного. Я, как узнал, рванулся ее искать. Не вышло.

Старик вдруг оборвал себя, а закончил совсем другим, задушенным голосом. - Да ладно, чего уж самому себе врать. Мог. Даже если бы не пустили, мог. Только не бросил. На самом верху обещали. Послушал. А они не пробовали даже. Вот тогда и ушел. Квартиру в Москве, машину, дачу продал, сюда приехал. Живу теперь. С этим. Ведро орденов, душевное спасибо Родины и... они, - дед поправил стопку фотографий. - Так, может, и не тебе, в первую очередь, я помогаю, себе. Себе я помочь пытаюсь.

Михаил Степанович глянул в окно, шевельнул беззвучно губами, закончил едва слышно:

- Лет пять прошло. Жил себе, жил, и тут вдруг на мосту вижу - Оля моя. Внучка. Умом понимаю, не может того быть, за столько лет, а вот... Не выдержал, остановился. Ну, дальше ты знаешь. Так что не забивай голову. Ничего ты мне не должна. Лучше пойдем, усадьбу покажу.

Они прошли по толстому ковру к расположенной в конце коридора двери.

- А здесь у меня уголок для отдыха, - Михаил Степанович отворил неприметную дверь.

Оля с любопытством заглянула в довольно большую комнату. Бросилось в глаза обилие разномастных тренажеров, стопка гимнастических матов в углу. Громадная боксерская груша, висящая посредине.

- Сам-то давно эти глупости забросил. Так, иной раз, со скуки, приезжают ребятишки. Кому что. Помогаю. И мне не скучно, - пояснил хозяин и повернулся, собираясь продолжить экскурсию.

Оля заинтересованно глянула на инвентарь:

- А меня научить можете?..

- Ты опять? Ну, как еще объяснять? Кому что дано, тому то и дано. Ты - женщина. Хоть пять лет тебе удар ставь, все одно, мужик, ежели хоть немного тренирован, перешибет. "Никита" и прочие - это киношное. А если и бывают такие, что с мужиками на равных рабо-

тают, так, прости, не женщины они, а мужебабы. Природа сотни тысяч лет гены подбирала. А мы хотим ее враз переломать. Я ведь тебе говорил, - укоризненно, как маленькой, повторил дед.

- Выходит, мне теперь жить, зная... захочет кто-то об меня ноги вытереть, и все опять повторится? И подонки те, и пьяный мясник?.. А я отомстить хочу. Страшно. Чтоб запомнили! Навсегда! - с ненавистью прокричала Оля и заплакала.

- Жизнь - штука несправедливая, - пробормотал старик, нерешительно погладив ее по коротким волосам. - Но тебе эта сентенция сейчас не поможет, - решительно закончил он и повысил голос. - Все, все, не плач. Давай так, - он вновь достал телефончик. Потыкал в кнопки, дождался ответа.

- Геннадьевич? Привет, Миша тебя... Ну, ясно, ты мой номер видишь, это я по стариковской привычке. Не могу привыкнуть, что высвечивается. Никакой, понимаешь, конспирации. Нужны твои ребятки. Человека три, четыре, - произнес он в трубку, когда абонент отозвался.

- Кто? Да, без разницы. От них ничего и не потребуется. Так... постоять, посветить мордой. Есть? Тогда через часок пусть к тысячной больнице подъедут и ждут у входа.

- ...На чем? Да все на той же. Сам знаешь, не люблю я эти "Мерседесы" разные. На своем Росинанте и буду. - Дед выключил телефон, закончив беседу, повернулся к насторожившейся Оле. - Одевайся. Съездим, пообщаемся с этим коновалом.

- Нет, сейчас. Никак в другое время нельзя, - отмел он слабые попытки перенести встречу. - Я и людей позвал. Неудобно.

Ольга огорченно вздохнула, но отправилась одеваться.

Модная стрижка, белоснежные волосы, стильная куртка, джинсы не самой простой фирмы. Чуть портил общее впечатление громадный шарф, укутывающий лицо, однако рассматривать внимательно пассажирку было некому. "Жигуленок" неторопливо протарахтел по заснеженным улицам города и остановился возле центрального входа в городскую больницу.

Михаил Степанович выключил двигатель и коротко надавил на сигнал. Тут же синхронно распахнулись дверцы огромного черного джипа, стоящего в сторонке. Четверо мужчин, в одинаковых костюмах и белоснежных рубашках, выбрались из салона заморского автомонстра. Оля с интересом уставилась на "бодигардов", решив, было, что сейчас должен появиться сам объект столь шикарной охраны. Но "люди в черном" захлопнули дверцы, неторопливо двинулись прямо к автомобилю Михаила Степановича.

- Привет, дядя Миша, - поздоровался один из них, когда здоровяки приблизились.

- Здравствуй, Славик, - старик выбрался из салона и, нисколько не смущаясь наряда, продолжил. - Задача вам, сынки, следующая. Есть тут, в больничке, один врач, хе-хе, как говаривали в старые годы, космополит-вредитель. Мне с ним по душам поговорить надо. А ваша задача настроить на серьезный лад. Чтобы проникся... Фамилия эскулапия... - дед почесал бровь, припоминая. - Ага, Потапкин. Вот этот, Тапкин, мне и нужен.

- Сломать чего-нибудь можно или так слегка...?

- Бог с тобой, Славик, что ж я, тать, что ль? Никакого членовредительства, я только поговорить хочу, - простецки подмигнул дед. - Ты не смотри, что я на бармалея похож. В душе-то я, может, белый и пушистый.

- Да я чего... - совсем по-детски смутился Вячеслав. - Я так просто.

- Так и я просто, - охотно согласился дед: - Ты пошутил, я посмеялся... Ну, вперед, - он открыл дверцу, помог Оле выбраться из машины. - Пойдем, Оленька. Внучка моя, Олей звать, - не оборачиваясь, представил он девчонку заинтересованно рассматривающим хрупкую фигурку телохранителям. - Прошу, как говорится, любить и жаловать.

Ничего, вроде, такого не сказал старик, но взгляды бойцов дернулись, уперлись в спину возглавляющего движение пенсионера.

Едва вошли в здание, как охрана неуловимо перестроилась, взяв опекаемых в "коробочку". Они едва успели миновать фойе, а старший группы, неведомо каким образом успев выяснить, где в настоящий момент находится врач, двинулся к нужному кабинету. Возле дверей с кривовато висящей на ней табличкой ожидали приема несколько пациентов в больничных халатах.

Мужчина в порядком измятом белом халате раздраженно поднял голову, суетливо прикрыв тумбу стола:

- Нет приема. Рано еще.

В голосе звучало раздражение. Легкий запашок спирта в воздухе подсказывал, что опохмелка была в самом разгаре. По мере того, как кабинет наполнялся людьми, круглая физиономия с косо сидящими на носу позолоченными очками изменилась. Раздражение сменилось легкой тревогой. В два быстрых, неуловимых для глаза шага, преодолев пространство до стоящего у окна стола, охранники сдернули врача со стула, уложили на пол, ткнув лицом в пыльный линолеум. Сверху на лежащего ничком эскулапа посыпались какие-то мелочи. Сувениры, календарики, баночки с карандашами.

Михаил Степанович пропустил Ольгу вперед и прикрыл за собой дверь. Пораженная сценой Оля застыла у порога.

- Присаживайся, - указал дед на застеленное клеенкой кресло. Кивнул охране, предлагая вернуть объект в вертикальное положение.

- Тапкин? - коротко поинтересовался он у толстяка.

- Па-па-та-пкин, - закивал головой врач. Попытался дернуться: - А, в-в чем, собственно?

- Дело, молодой человек, в том, что примерно месяц назад к вам поступила пациентка. Беда случилась. Порезали ей лицо какие-то сволочи. Ну, об этом после. А дежурил в больнице, в ту ночь, хирург, который, свято исполняя клятву, оказывал ей первую помощь. Оля, будь добра, покажи гражданину результат работы.

Оля сжала губы, стараясь сохранить спокойствие, помедлила, а потом откинула шарф. Даже опытные, видавшие виды профи, на мгновение отвели взгляды от ее лица. Врач часто-часто заморгал рыжеватыми ресницами. На лбу у него высыпали крупные капли пота.

- Согласитесь, назвать выполненную этим, с позволения сказать, специалистом работу успешной нельзя, - продолжил старик. - А врач этот - вы.

Голос Михаила Степановича неуловимо изменился, стал жестким. - Если обкурившийся наркоты нелюдь, посмевший поднять на нее руку, пока еще ходит на свободе, то вот с мерзавца, который поленился исполнить ту малость, которую обязан был сделать хотя бы из простого человеческого участия, мы имеем возможность спросить полной мерой.

- Скажите, в чем причина такого варварского отношения? - старик болезненно поморщился. - Поверьте, я не издеваюсь над вами. Мне действительно необходимо понять, вы просто тварь по жизни, или этому есть хоть какие-то объяснения.

Потапкин икнул, торопливо, рассыпая термины, старательно избегая смотреть на Олино лицо, залепетал что-то про некачественный инструмент, плохую антисептику... отсутствие кадров.

- Все ясно, - сделал вывод старик. - Не в инструменте дело, мил человек. Совесть ты пропил. Если была она у тебя. Вместо, чтоб дело делать, спирт казенный жрал, да... - старик повернулся к девушке, - Оля, заткни уши, - медсестер, пользуясь властью, трахал. Только вот знай. За все платить нужно.

Хирург, уловив знакомое слово, облегченно затряс головой:

- Конечно, конечно. Я, я заплачу, сколько скажете, заплачу...

Дед вновь укоризненно поморщился:

- Перебивать старших нехорошо. Неужели ты, тварь, всерьез думаешь, что мы твои поганые деньги возьмём? Знаешь пословицу: "Зуб за зуб, око за око"? Вот, я считаю, такой расчет

будет справедливым. Она по твоей милости хотела себя жизни лишить - значит, и тебе такая же участь. Не обессудь.

Он коротко, незаметно дернул рукой. Из рукава потертого полушубка вынырнул на ладонь короткий клинок. Хищное, обоюдоострой заточки лезвие блеснуло в свете неоновой лампы:

- На, Оля. Ты ведь хотела отомстить. Это месть. Святое. Бить нужно вот сюда, под левый нагрудный карман. Тогда крови будет меньше, уйдет тихо, - спокойно, как-то обыденно, произнес старик.

Врач дернулся, но, осознав тщетность попыток освободиться, раскрыл было рот, собираясь закричать, и тут же получил короткий тычок в грудь. Дыхание сбилось, он закашлялся и внезапно заплакал.

Она с недоумением уставилась на рукоять протянутого ей ножа, перевела взгляд на врача. Вид текущих слез вызвал у Оли неловкость и отвращение.

- Я, я не могу. Не надо, - она отвернулась, закрыв лицо ладонями.

- Оля. Ты, кажется, забыла? Всего три дня назад ты была готова решить все разом. По его вине в том числе. Как же так? Ладно, проехали. Человек, если он настоящий, тем и отличается от таких вот, Тапкиных, что не может им тем же ответить. Они это инстинктивно, на подсознательном уровне, чувствуют, потому ничего не боятся. Ты думаешь, если сейчас отпустить, он перестанет творить, то, что творит? Возможно, на какое-то время, да. Но - на время.

Дед повернулся к едва стоящему на ногах врачу:

- Ладно, гражданин Тапкин. Она тебя прощает. Но все же считаю, воспитательный процесс должен быть завершен. Причина твоего отношения к делу, к людям - в воспитании... и в водке. Ну, с первым я ничего не могу поделать, взрослый уже, а вот с пьянкой - пожалуй, - он поднял ладонь, коснулся лысоватой головы доктора. Легонько провел по лбу, нажал пальцем чуть выше линии волос. Легкий щелчок, будто раздавили блоху.

- Теперь при каждом употреблении спиртного у вас будет проявляться стойкий рвотный эффект, - голосом лектора сообщил старик. - Причем, извини, я все же не нарколог, тяга к спиртному останется, также как и похмельный синдром. И эти, поверь, не самые приятные реакции, навсегда. Поэтому бегать по специалистам, по разным там кодировщикам, бесполезно. Только зря тратить деньги. Все. Свободен.

Михаил Степанович брезгливо вытер пальцы салфеткой, кивнул сопровождающим, взял Ольгу под руку и вышел из кабинета.

- Доктору сейчас нехорошо. Но он немного оклемается, начнет прием, - вежливо пояснил старик обеспокоенным пациентам.

Прошла минута, другая. Врач ожил, вытер трясущейся ладонью лицо, попытался застегнуть пуговицы халата. Не сумел и, выдыхая сквозь зубы воздух, потянулся к заветной тумбе. Махнул приличную дозу разбавленного спирта и едва успел подхватить с пола корзину.

Когда уставшие ожидать начала приема пациенты заглянули в кабинет, то увидели странную картину. Врач сидел за испачканным рвотой столом и тихо плакал.

Глава 4

Раннее утро, тишина. Тихо, будто нет в мире ничего, кроме этой комнаты. Тройной стеклопакет надежно отсекает все звуки. Ни завывания ветра, ни скрипа качающихся сосен. Снег начал сыпать, когда они еще возвращались домой, а к ночи уже мело.

Оля лежала в кровати, стараясь привести мысли в порядок. Вспомнилось потная физиономия врача, холодный блеск стального клинка и без какой-либо связи грязно-серая вода текущей под мостом реки. "А все-таки, кто он, этот старик?" - спросила себя Оля. Задать этот вопрос самому Михаилу Степановичу она вчера так и не решилась.

Обратно ехали в тишине. Оля, не зная, как ей начать беседу, молчала, а старик вел машину аккуратно, не обращая внимания на обгоняющие тарантас иномарки. Держался он так, словно ничего не случилось. Ни безобразной сцены в кабинете, ни размазанных по жирному лицу врача слез, ничего.

- Извини за глупый спектакль, - вдруг произнес Михаил Степанович, на секунду оторвав взгляд от дороги. - Но так было нужно. А слова не помогут, ты должна была убедиться сама... Пойми, Оля, в жизни много грязи и зла. Такова действительность. Не мы придумали. Но относиться к подлецам так, как относятся к людям они, нельзя. Парадокс, но если опуститься на один уровень с ними, непременно станешь таким же. Наказать, предотвратить преступление - да. И даже уничтожить негодяя, если другие способы не помогают...

Оля покосилась на старика:

- Скажи, а что, фокус с водкой, он правда сработает? Я понимаю, это звучит дико, - она замолчала, подыскивая слово. - Ты...

- Да говори прямо. Не колдун ли я? Нет, Оля. Вынужден огорчить. Но... Есть такая лженаука, Биоэнергетика. Изучает она то, чего вроде как и нет. Однако энергии эти работают и весьма эффективно, порой радикально.

- Я читала про это... - отозвалась Оля, без особого, впрочем, интереса. - Но думала, что это все шарлатанство.

- Думай как хочешь. Хотя, нет здесь никакой мистики. А можешь назвать это обычным гипнозом. Воздействием на рецепторы головного мозга объекта, посредством внушения. Хотя это немного не так. Есть много вещей, которыми люди пользуются, не имея особого представления о механизме работы. Взять хотя бы электричество... Ну да не суть. Главное, что этот человек теперь будет вести исключительно трезвый образ жизни. Наказание для него и благо для тех, кого он уже не сможет изуродовать...

Старик оборвал монолог и осторожно коснулся прохладной ладонью ее изуродованной щеки.

- Все будет хорошо, - пробормотал он едва слышно. Оля промолчала, лишь недоверчиво дернула уголком губ. Наверное, дали знать растрепанные последними событиями нервы, однако зевать начала еще в пути. А едва добралась до кровати, провалилась в сон.

- Карлсон, а как же собака? - Оле снилось, что она стоит на знакомой, родной сцене ТЮЗа. Старательно хлопает ресницами, изображая обиду, и заглядывает в кулисы. Взгляд упирается в сонную физиономию пожарника. Тот тихонько переговаривается с реквизитором, обсуждая вчерашний футбол.

Исполняющий роль добродушного весельчака Григорий, вечно похмельный, воняющий дешевым одеколоном так, что слышно, наверное, даже в первых рядах, подпрыгивает, придерживая накладной животик, изображает растерянность.

- Ты чо, малыш? А я? Я, ить, лучше, - Гришкину дикцию не сумели исправить ни годы учебы, ни сотни репетиций и спектаклей; в его исполнении Карлсон больше смахивает на хули-

гана-гопника. Мучимый жестоким похмельем, он даже не пытается играть, торопливо проговаривает текст.

- А где варенье? - он тычет в кнопку, включая электромоторчик, который крутит привязанный к спине пропеллер. Тот трещит, проворачивается пару раз и глохнет.

- Блин, - вполголоса чертыхается актер. - Пирог где. И, в ожидании ответной реплики, трагически сопит перегаром.

- Не в пирогах счастье, - вздыхает Оля и думает: "Вот шуба, как у Зинки, это счастье".

- ...Собаку мне не купили. Григорий, прикалываясь, бормочет бессмертную фразу Василия Алибабаевича:

- То бензин, а то... дети. Оля фыркает, делая страшные глаза, переходит к следующей мизансцене.

Сон оборвался так же внезапно, как начался. Еще в полусне, в полудреме, выплыл короткий, пугающий вопрос: "Сможет она теперь вернуться в ту, прежнюю жизнь после всего, что случилось? Это не искусство, даже не ремесло. Пошлость, грязь интриг, нет". Но тут Оля сообразила, что за окном совсем светло.

"Операция", - вспомнила она и проснулась окончательно. Наскоро умывшись и перекусив, вышла во двор. Зажмурилась от сверкающего белизной снега, поежилась на холодном ветру. Минька приятельски облаял Олю, предлагая побегать по свежему снегу, но, поняв, что гостья торопится, обижено отошел в сторону.

- Скучно Вениамину, - пробормотал старик, обметая лобовое стекло гусиным крылышком. - Ну, ничего, вот с делами закончим... Машина тихонько тронулась со двора. Госпиталь встретил деловой суетой, серыми халатами короткостриженых пациентов, запахами.

Оля сидела, откинувшись в хитром кресле, зажмурив глаза от направленного в лицо слепящего света мощной лампы.

- Ничего особенно страшного я не наблюдаю. Собирайте анализы, мы вас подштопаем. Будете краше прежнего, - подвел итог осмотру врач. Поправил выглядывающий из выреза белоснежного халата зеленый форменный галстук, склонился к столу, заполняя бланки. - Когда будет готово, вам позвонят, назначат дату...

Михаил Степанович, до этого старательно изучавший плакаты и в беседе участия не принимавший, отвлекся от наглядной агитации:

- Майор. Вы не поняли. Задача вам поставлена иная. Операцию необходимо выполнить в кратчайшие сроки. Вернее, сегодня. Сейчас вы заполните карту, дадите распоряжение готовить операционную, до обеда проведете пациентку по всем пунктам предоперационной диагностики. Анализы, прочее. А после обеда на стол. Ясно?

Майор глянул на нелепую фигурку старика:

- Папаша, я так понимаю, вы родственник?.. Михаил Степанович внимательно посмотрел на врача, укоризненно вздохнул.

- Взрослый человек. Офицер. Ну что вы, право... Все приходится разъяснять. Вот приказ начальника госпиталя. - Дед протянул сложенный вдвое листок. Положил на стол перед хирургом, давая возможность рассмотреть. По мере чтения лицо врача неуловимо подобралось, посерьезнело:

- Виноват, я не сообразил, конечно, мы постараемся.

- Вот и хорошо, - дед спрятал бумагу, доброжелательно закончил: - Пожалуйста, отнеситесь к задаче серьезно. Да, вот еще... Он оглянулся на сидящую с закрытыми глазами Олю, неуловимым жестом фокусника вынул из кармана стопку фотографий, протянул врачу. - Это оригинал. Необходимо максимальное сходство.

- Э... - майор озадаченно уставился на фото. - Да, конечно, у нас есть программа, позволяющая добиться нужного результата. Но для использования этой аппаратуры мне нужен допол-

нительный приказ руководства. Понимаете - лазер еще недостаточно хорошо опробован... А самое главное - куда более тщательное обследование.

- Хорошо. Даю вам еще сутки. Приказ на применение экспериментального оборудования вам передадут. Выполняйте, - отрезал Михаил Степанович, погладил Олю по рукаву, шепнул: - Ты не теряйся. Все будет хорошо.

Подготовка к операции заняла весь день и вечер этого дня. Измотанная переходами из одного кабинета в другой Оля, тем не менее, не могла не поразиться тому, с какой быстротой и точностью работали военные врачи. Ни отпросившегося в "собес" окулиста, ни очереди в рентген-кабинет. Она попыталась сообразить, что должно быть написано в дедовом документе, заставившем закрутиться столь громоздкую медицинскую машину с этакой слаженностью.

Особенное впечатление произвела установка, похожая на выполненные в миниатюре звездные врата из какого-то фантастического фильма. Аппарат, которым врач просканировал ее лицо, был подключен к некоему подобию лазерного принтера, однако печатал не фотографии, а объемные макеты, один к одному повторяющие формы Олиных губ, носа, бровей...

Уже на следующее утро пациентку переодели в длинную, с веселенькими цветочками, распашонку, уложили на каталку и повезли в операционную. В лицо ударил яркий свет лампы, глуховатый голос распорядился:

- Считайте до десяти. Она начала счет и, уплывая в сумрак, успела подумать: "Так просто?"

"...А самые ревностные праведники - завязавшие алкоголики и ушедшие на покой проститутки". Истина грубая, но справедливая"... - Михаил Степанович даже не заметил, что произнес это вслух. Он сидел в любимом кресле, возле камина, почесывая ухо лежащего у ног пса, и ворошил догорающие угли.

- Вроде не соврал, когда рассказывал о причинах своей помощи, да только и правды всей не сказал, - добавил старик. Внезапно пес насторожил уши, внимательно глянул на сидящего у огня хозяина. Коротко гавкнул.

"Никак едет кто?", - Михаил Степанович легко поднялся, выглянул в окно. По дороге, едва пробивая мощным бампером снежные наносы, полз громадный, похожий на лакированного жука, лимузин. За ним плелся антрацитовый "Геленваген".

"Он-то здесь что забыл?" - искренне удивился хозяин, рассмотрев нули на номере статусного авто. Машина принадлежала одному из крупнейших предпринимателей, а по совместительству еще и главе всего региона.

Губернатор вел жизнь светскую, разъезжал больше по брифингам, премьерам, тусовкам, и оказаться в затерянном среди леса уголке не мог по определению. "Алюминиевый папа", как за глаза окрестили ушлого бизнесмена злые языки, на княжении сидел крепко. Московские власти рассудили: лучше прогнозируемый и вменяемый "щипач", чем нахальный, непредсказуемый новичок, жрущий в три горла. А потому на мелкие шалости "Губера" с законом смотрели сквозь пальцы. Полпред президента тоже особенно не обижался. Доход от участия в парочке хлебных проектов "папы" примирил его с хозяином как нельзя лучше.

Будь нужна "папе" обычная консультация, что маловероятно, он назначил бы встречу на нейтральной территории и, всяко, сделал это не лично, а через одного из многочисленных референтов. Михаил Степанович нажал кнопку сигнализации, отворяя ворота, неспешно спустился по ступеням. Машина влиятельного лица вальяжно вползла во двор. Крепыш из охраны внимательно оглядел окрестности, приоткрыл тяжелую дверь бронированного "Мерседеса", замер.

"Ага, спасет тебя эта жестянка", - отстраненно усмехнулся Михаил Степанович, невольно припомнив недавний случай с "папиным" коллегой, неплохим артистом, влезшим по глупости не в свои сани, а вскорости угодившим в ДТП с летальным исходом на ровной и пустой трассе.

Глава региона неторопливо выбрался из авто и, видя, что хозяин не спешит навстречу, двинулся к стоящему у ворот пенсионеру.

- Здравствуй, Михаил Степанович, - первым поприветствовал гость хозяина.

- Здрав будь, боярин, - цепляя привычную маску кондового, слегка не от мира сего, старца, которую он успешно применял для внешнего пользования, склонился в поклоне Михаил Степанович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.